

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

III

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

Новые материалы для мусульманской эпиграфики и палеографии

Памятники мусульманского искусства и письменности, как известно, неразрывно связаны с арабской эпиграфикой, несколько слабее с персидской. Получив прочную базу в долголетних трудах М. van Berchem'a, который нашел себе достойных преемников, эпиграфика не только служит точкой опоры при изучении истории и самих памятников, но и содействует успешному изучению разновидностей и истории арабского шрифта. Знание основных формул и их последовательности помогает чтению надписей, но это иногда невозможно без знания шрифта, часто необычайно сложного и вычурного. Эпиграфика исследует главным образом текстуальное содержание надписей всякого рода, не только на памятниках движимых и недвижимых, но и на скалах, с учетом исторических и социальных моментов. Еще шире диапазон для палеографического изучения надписей: от монументальных до мельчайших предметов, со включением рукописей и документов.

В настоящее время существует большое количество монографий, исследований и сводов по арабской эпиграфике на различных языках. Они далеко не полны, касаются либо отдельных стран, либо отдельных памятников; для ряда стран, в том числе и нашей, никаких сводов до сих пор нет, многие тексты не зафиксированы и тем не только тормозят нормальное развитие науки, но и сами находятся под угрозой бесследного для нее исчезновения. В целях объединения материала, разрозненного в различных изданиях и хранилищах, а также быстрее учета и фиксирования еще неизданного и до сих пор неизвестного, в Каире возникла идея многотомного хронологического свода арабских надписей всего мусульманско-арабского мира.¹ О первых трех томах этой чрезвычайно важной работы печатается

¹ Ét. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. I, Le Caire, 1931, 4°, XII + 312 стр.; t. II, Le Caire, 1932, 4°, VIII + 276 стр.; t. III. Le Caire, 1932, 4°, 223 стр.

отзыв в «Библиографии Востока». В настоящее время вышел четвертый том,¹ в печати находится пятый.

Те широкие горизонты, которые открывают эпиграфика и палеография, конечно могли только повысить темпы и увлечь новых исследователей, и за последнее время мы встречаем все новые и новые солидные специальные труды как для мусульманского Запада (Lévi Provençal,² Revilla Vielva³), так и для ближнего Востока. В данной заметке мы подробнее остановимся на нескольких новейших изданиях, посвященных эпиграфике и палеографии Египта и Палестины.

Египет, где давно велась отдельными лицами подготовительная работа, был как-раз первой из стран арабской культуры, которая получила сводное издание арабских эпиграфических текстов, собранных на его территории.⁴ Это ценное достижение, поддержанное после M. van Berchem его продолжателем в лице G. Wiet,⁵ не могло остаться без влияния на развитие и ход научных работ, сосредельных и связанных с эпиграфикой областей.

С момента вступления G. Wiet в должность директора Арабского музея в Каире началась энергичная и планомерная каталогизация его обширных собраний. Работа была разделена между сотрудниками, и в настоящее время уже выпущено несколько больших томов фундаментального каталога (Catalogue général du Musée Arabe du Caire). К сожалению, мы не имеем всех томов, но нельзя сомневаться, что каждый из них, помимо своей основной темы, должен в той или иной мере коснуться эпиграфики. Мы можем поэтому остановиться лишь на известных нам двух томах этой серии, а именно — каталоге арабских надгробий⁶ и бронзы.⁷

¹ Op. cit., t. IV, Le Caire, 1933, 40, VIII + 208 стр.

² E. Lévi Provençal. Inscriptions arabes d'Espagne. Leiden — Paris, 1931. О содержании этой важной работы можно узнать из рецензии Joseph Schacht, Orientalistische Literaturzeitung, 1933, № 10, 627—629.

³ Ramón Revilla Vielva. La colección de epígrafes y epitafios árabes del Museo Arqueológico Nacional, Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, o. o. Madrid, 1924, стр. 1—16, с 8 рис. на двух табл. — Он же. Patio árabe del Museo Arqueológico Nacional. Catálogo descriptivo. Madrid, 1932, 80, 172 стр. + 26 табл. в тексте.

⁴ M. van Berchem. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première partie. Égypte, t. I (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, t. XIX). Le Caire, 1894.

⁵ G. Wiet. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première partie. Égypte, t. II, fasc. 1—2. Le Caire, 1929—1930 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, t. LII). Рецензия на эту работу печатается в «Библиографии Востока».

⁶ Hassan Hawary et Hussein Rached. Stèles funéraires, vol. I, Le Caire, 1932, 40 maj. VIII + 248 стр. + LXV табл.

⁷ Gaston Wiet. Objets en cuivre. Le Caire, 1932, 40 maj. VIII + 315 стр. + LXXVI табл. Кроме указанных здесь я в предшествующем примечании томов, вышли в той же серии: Га-

Первый том каталога арабских надгробий (*Stèles funéraires*) представляет собой увесистую книгу большого 4^о. Он состоит из коротенького предисловия на французском языке G. Wiet, который редактировал рукопись и печатный текст издания (стр. III), небольшого введения на арабском языке самих издателей (стр. V—VIII), собственно каталога (стр. 1—235), указателей (стр. 237—248) и таблиц (I—LXV). Авторы каталога, Hassan Hawary и Hussein Rached — арабы по происхождению, состоят сотрудниками Арабского музея. Первому из них, H. Hawary, принадлежит честь открытия и издания двух самых ранних арабских надгробий 31 и 71 г. х.¹

Различные исследователи неоднократно пользовались материалами огромного фонда надгробий Арабского музея. О них напоминает G. Wiet в предисловии.² Для издания каталога потребовалась прежде всего колоссальная подготовительная работа по составлению подробного инвентаря надгробий, причем каждый памятник получал отдельный инвентарный номер. Уже это представило огромный шаг вперед, так как до 1926 г. коллекция была рассеяна без особой системы по кладовым и подвалам музея и почти 200 стел было выставлено. Как показывает список в предисловии, из общей суммы около 3000 надгробий с кладбищ Старого Каира и Ассуана, под одним номером, в зависимости от поступления из разных источников, значилась до полной инвентаризации порой тысяча экземпляров (стр. VI).

Введение знакомит читателя прежде всего с целью издания — дать специалистам авторитетное пособие. Поэтому все внимание было устремлено на правильность чтения, которое в большинстве случаев может считаться окончательным. Для настоящего тома были отобраны 400 лучших, датированных и характернейших образцов в смысле шрифта. Они расположены в хронологическом порядке, чтобы облегчить палеографам изучение эволюции шрифта, начиная с 31 по 240 г. х., одна-две для каждого года, а при одинаковой дате — в алфавитном порядке собственных имен.

ston Wiet. *Lampes et bouteilles en verre émaillé*. Le Caire, 1929, 4° maj. VII + 193 стр. + XCII табл. — Jean David Weill. *Les bois à épigraphes jusqu'à l'époque mamlouke*. Le Caire, 1931. — Edmond Pauty. *Les bois sculptés jusqu'à l'époque ayyoubide*. Le Caire, 1931. — Pierre Olmer. *Filtres de gargoulettes*. Le Caire, 1932.

¹ См. Hassan Mohammed el-Hawary. The Most Ancient Islamic Monument Known, dated A. H. 31 (A. D. 652). From the time of the third Calif 'Uthman. *JRAS*, April 1930, 321—333, табл. III—V с. — Его же. The Second Oldest Islamic Monument Known, dated A. H. 71 (A. D. 691). From the time of the Omayyad Calif 'Abd-el-Malik ibn Marwān. *JRAS*, April 1932, 289—293, с 1 табл. См. также арабские журналы: *Лугат ал-'араб*, т. VII, № 8, август 1929, 611—612; *ал-Хилāl*, VIII, 1930; то же апрель 1932, 856—860.

² См. также В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, т. III, Ленинград, 1929, стр. 1 сл., 67 сл.

Издатели сделали ряд интересных наблюдений относительно двух основных типов письма стел, а также их подразделений. Более ранний, углубленный, первый образчик которого относится к 31 г. х. (№ 1), проще, высекался или процарапывался сперва довольно примитивно острым орудием вроде гвоздя, к концу II в. х. совершенствуется, приобретает большую стройность и упорядоченность, а на вершинах появляется клинообразное украшение слева.

Рельефный шрифт (стр. VII) возникает позднее. В монументальном искусстве первый образец известен на колонне Нилометра 97 г. х., но первое надгробие такого шрифта в музее относится к 203 г. х. (№ 39, табл. XII). Он менее распространен; причина этого зависит, по мнению авторов, от большей трудности работы, состоящей в удалении фона вокруг выделенных, заранее прорисованных букв. Этот метод отразился на характере шрифта, а именно, в одной разновидности делали больше украшений, чтобы сэкономить труд, а в другой, при твердых вулканических породах, применяли простой рельеф и удаляли меньше поверхности.

Авторы останавливаются далее на нисбах, которые в массе случаев племенные, от первых арабских насельников Египта; меньшую часть составляют нисбы по месту рождения, уже после 200 г. х. Уделено внимание также особо отмеченной при каждом номере орнаментике стел, которая представляет собой древнейшие датированные образцы арабского орнамента (стр. VIII); характерным признаком его авторы считают широкие листья и глубокую резьбу.

В каталоге для каждого экземпляра указаны следующие сведения: общий порядковый номер (от 1 до 400), инвентарный номер, ссылка на соответствующую таблицу, если экземпляр изображен, материал, размеры, число строк, полное имя умершего в латинской транскрипции, полная дата (день, месяц, год), определение шрифта, арабский текст с разделением на строки и библиография. Переводы текстов исключены принципиально, с одной стороны — потому что издание предназначается для специалистов, с другой — потому что все эти тексты включены в «*Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*» и там снабжены французским переводом.

Несколько указателей облегчают пользование каталогом. Первый из них, указатель имен, в латинской транскрипции (стр. 237—242), расчленен по отдельным составным частям сложного имени; в конце его есть несколько (около 30) неразобранных арабских имен в арабской транскрипции. Во втором указателе — коранических цитат — для каждой данной суры и стиха перечислены номера тех стел, где они встретились. Последний указатель

представляет конкорданс в порядке номеров инвентаря. Он необходим, когда надо отыскать в каталоге плиту, выбранную на таблице, так как в последних порядковый номер каталога отсутствует. Таблицы великолепно исполнены фототипией; по ним можно совершенно свободно изучать оригинальный текст, шрифт и орнамент. На каждой помещено в среднем три, но не менее двух и не более шести изображений.

Каталог прекрасно задуман и безупречно исполнен; без сомнения, он будет встречен с большим энтузиазмом, открывая самые широкие возможности для всестороннего изучения ценнейшего материала. Египетские надгробия довольно рано были завезены в разные коллекции и музеи Европы. И у нас, в Институте документа, книги, письма Академии Наук, на выставке истории письма древнего мира и раннего средневековья есть девять таких надгробий из собрания Н. П. Лихачева и одно, привезенное А. О. Мухлинским.¹ Мы можем гордиться, что наши экземпляры² не уступают отборным каирским. При издании их был затронут ряд вопросов ранней арабской палеографии. Не имея возможности остановиться на всех, мы коснемся здесь только двух. Одним из них был вопрос, с какого времени применялся в египетских надгробиях рельефный шрифт.³ Благодаря новому каталогу и просмотру огромного материала, как мы и предвидели,⁴ рамки расширились, пока только в отношении начала, которое с 242 г. х. отодвинулось на 40 лет назад, к 203 г. х., как видно по мраморной стеле каталога № 39, inv. № 2721/87. Насколько изменятся наши представления о времени его исчезновения из употребления, покажут следующие тома каталога.

Плита 203 г. х. важна не только в хронологическом отношении. На ней, как в фокусе, концентрируются капитальнейшие вопросы арабского шрифта: 1) вопрос о применении растительных украшений в буквах, связанный с происхождением почерка куфи и его разделением на «простой» и «цветущий» (*soûfiqne fleuri*); 2) вопрос о появлении в куфи поднятых вверх окончаний букв. Оба вопроса тоже обсуждались при издании нашей коллекции.⁵ Там был высказан взгляд, основанный на исследовании датированных памятников, что некоторые надгробия II—III в. х. уже «содержат элементы „цветущего куфи“ и служат образцами известной стадии его»,⁶ для которой

¹ Из Института востоковедения АН (б. Азиатского музея).

² Изданы в цитированной выше работе В. А. Крачковской.

³ *Ibid.*, 79—80.

⁴ *Ibid.*, 76, 80.

⁵ *Ibid.*, 76 сл., 80 сл., 99 сл.

⁶ *Ibid.*, 82.

предложено обозначение «пальметообразный куфи».¹ Шрифт каирской стелы 203 г. х., табл. XII, полностью подтверждает эти наблюдения. На ней ясно видимы, при точно установленном чтении, конечные буквы с поднятыми над строкой окончаниями: в конце 1-й строки — *rā*, в конце 3-й, 11-й и на 13-й — *īā*, в конце 10-й — *vāv*; кроме этого, на вершине *hā* *ح* стр. 2-я — вертикальная полупальметка, но особенно интересна полупальметка *rā* 1-й строки. Этот прием «удлинения вверх» в монументальных надписях Египта известен пока только с третьей четверти III в. х. (мечеть Ибн Тулуна 276—278 г. х.), а для надгробий по нашей плите с 270 г. х.,² притом в углубленном шрифте. Теперь мы можем констатировать не только применение его в рельефном раннем куфи 'аббасидского периода, но получаем дату его применения в 203 г. х., на три четверти века ранее и сразу с теми растительными деталями, которые входят в определение «цветущего куфи».

Эти короткие замечания дают возможность убедиться, какую важную роль в изучении арабской палеографии придется сыграть каталогу надгробий, который может служить прекрасным пособием.

При всей красоте шрифта и высоком совершенстве репродукции, просмотр таблиц каталога надгробий неспециалисту может быть покажется однообразным. Зато второй каталог, «*Catalogue des Objets en cuivre et en bronze à inscriptions historiques*», который посвящен предметам из бронзы и меди, может порадовать всякого, настолько прекрасны и разнообразны объекты его изучения. В руках талантливого автора этого издания, G. Wiet, громадный материал, собранный в течение 4 лет, расположен очень наглядно, удобно, с кажущейся легкостью. Легкость эта очень обманчивая: глубокая эрудиция, методичность, изобретательность и бесконечное трудолюбие вложены в эту работу.

По существу, каталог бронзы дает гораздо больше того, что он обещает по названию. Основную часть его составляет полный и обстоятельный каталог бронзовых и медных предметов Арабского музея в Каире (стр. 1—156), частью изображенных на таблицах; затем идет приложение (стр. 163—269) — хронологический список всех предметов из меди и бронзы с историческими надписями других собраний, официальных и частных, в разных частях света, сведения о которых мог получить автор. Благодаря дружному отклику, он касается в общей сложности с египетским фондом

¹ Ibid., 83. К вопросу см. также рецензию G. Bergsträsser на цитируемую работу В. Крачковской в *Orientalistische Literaturzeitung*, 1931, № 5, 462, 1.

² Ibid., 58, 99—100.

565 экземпляров (предисловие, стр. 1) — цифра колоссальная, если напомнить, что почти каждый экземпляр датирован.

Перейдя к рассмотрению собственно каталога, мы увидим, что и он гораздо содержательнее, чем можно было бы предполагать. Возьмем наудачу несколько номеров. Каталог начинается (стр. 1 сл.) описанием люстры № 92, табл. XII, 764 г. х. из мадрасы султана Малик Нәсіра Ҳасана. Кроме обычных для каталога указаний размеров, происхождения и библиографии, дано сжатое, точное описание, со всеми необходимыми данными, надпись люстры с арабским текстом и французским переводом, детальный, авторитетнейший анализ текста с полезными комментариями, разбор титулатуры со всеми вариантами и параллелями (стр. 2—4); приложены: список всех известных автору датированных люстр, в количестве 35 (стр. 4—6), список медных и бронзовых предметов с именем того же султана и библиография (стр. 6—7). Следующий предмет в каталоге — подсвечник № 128 (табл. XXX, стр. 7—9) описан по той же системе, с приложением списка датированных подсвечников из различных собраний. Здесь несколько удивляет одно обстоятельство. Как известно, подсвечники входят в обычный инвентарь мечетей; но в списке, среди 59 подсвечников, находится всего один экземпляр из Йәшилий Джәми' в Пергаме, хотя думается, что и в других мечетях могли бы найтись датированные экземпляры. Для вазы № 130 (табл. XXVI, стр. 12—14) составлен список датированных ваз. При большом описании чрезвычайно сложного, прекрасного и много раз воспроизводившегося столика из маристана (госпиталя) султана Қаләуна (стр. 14—28) находятся: 1) список 70 подписных предметов, 2) список 81 датированных предметов, 3) список предметов с именем султана Малик Нәсір Мухаммада, так как в надписях столика упомянуто его имя и титулатура. При описании подсвечника № 1657 (табл. XXVII, стр. 47—49) дан список 12 предметов по признаку упоминания в надписи места работы, так как на данном каирском подсвечнике оно указано (Миср, гравер Мухаммад, сын Ҳасана ал-Маусилий, 668 г. х.).

Одним из интереснейших номеров каталога является описание так называемой «магической» чаши № 2567 (стр. 52 сл.). Этот, сам по себе незначительный объект, грубой работы, не содержит никаких исторических данных, имен и дат, но дает повод составить прежде всего список 41 чаши, из которых многие датированы V—VII вв. х. и имеют султанские имена. Изучение этого списка (стр. 52—54) приводит автора к неоспоримому выводу: чаши не подлинные, потому что расходятся даты и титула с именами владельцев. Анализ содержания надписей чаш и их рисунков раскрывает

те условия, которые придавали им и металлическим зеркалам магическое значение в глазах суеверных клиентов при гаданиях, заклинаниях и предсказаниях. Действие их направлялось главным образом на помощь при несчастных случаях, достижение заветных целей и лечение множества болезней, список чего очень разнообразен и любопытен (стр. 55—57); из предусмотрительности, составители надписей иногда, не довольствуясь перечислением болезней и конкретных фактов (автором собраны арабские термины этого рода), добавляли общие формулы, вроде «... для всего ото всякого рода» или даже мудрую оговорку «... кроме болезни смертельной». Одним из важных назначений заклинательных чаш было установление умышленных отравлений мышьяком, чему помогал особый химический состав употреблявшегося сплава (стр. 58). И в дальнейшем, для каждой категории предметов автор постарался дать исчерпывающие сведения.

Мы не можем останавливаться на всех деталях этого интересного и важного, тщательно проработанного каталога, но не сомневаемся, что с момента его появления ни одно описание и издание мусульманской бронзы и меди без него немыслимо, настолько полно, детально, авторитетно и разносторонне этот материал в нем трактован. Эпиграфика играет доминирующую роль и лишь редко чтение не установлено, но всегда оговорено и часто сопровождается факсимиле, для облегчения проверки и дальнейшей работы. Если центр тяжести каталога несомненно составляет эпиграфика, то таблицы могут дать обильную жатву не только для искусствоведа, но и для исследователя шрифта.

Исчерпывающих данных о материале автор, несмотря на затраченные на собрание четыре года, все же не мог иметь. Самой слабой частью являются наши собрания. Отсюда цитируется два предмета из Музея Мистецтв ВУАН в Киеве,¹ часть бронзового подсвечника² и несколько раз знаменитый гератский котелок из собрания Бобринского³ в Эрмитаже, с неполной библиографией: честь опубликования последнего приписана исключительно М. van Berchem'у,⁴ без упоминания русских авторов Н. И. Веселовского⁵

¹ Стр. 272, 273, 304.

² См. №№ 288 и 300, стр. 222, 225, 275, 304.

³ См. стр. 19, 23, 65, Appendix, № 17.

⁴ Arabische Inschriften (Die Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910, herausg. von F. Sarre und F. R. Martin), т. I, стр. 3, прим. 2, где автор упоминает публикацию Н. И. Веселовского.

⁵ См. Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. н. э.) из собрания графа А. А. Бобринского, СПб., 1910, стр. 5 сл., табл. I—IV, VI—VII.

и К. А. Иностранцева,¹ хотя на работу Н. И. Веселовского ссылался и G. Migeon.² Для полного знакомства с материалом наших собраний за границей основным препятствием служит преимущественно русский язык, если вопрос касается печатных изданий, но не всегда. Еще больше вредит делу отсутствие авторитетных специальных каталогов и монографий, потребность в которых давно назрела. За работу над эпиграфикой меди и бронзы в Эрмитаже принимались неоднократно. Ею занимался усердно, между прочим, историк Востока К. А. Иностранцев и рано скончавшийся талантливый арабист И. П. Кузьмин, обширные рукописные материалы которого остались не разысканными. Составление каталога эрмитажной коллекции, с привлечением и использованием ее эпиграфических и указанных рукописных материалов, должно значительно восполнить существующий пробел в сведениях о ней и послужить на пользу как специалистам, так и для популяризации.

С совершенно другой областью арабской письменности знакомит нас работа А. Grohmann'a «*Ареғи де папугология арабе*».³ Она представляет обработку четырех лекций о современном состоянии папирологии, прочитанных автором в Географическом обществе в Каире. Объекты ее изучения не только своеобразны по своему содержанию, но и с материальной стороны. Древний способ употребления папируса как материала для письма известен в Египте со времен Среднего царства (конец III — начало II тысячелетия до нашей эры); после греков и коптов, он был воспринят и арабами.

В гл. I автор прежде всего излагает (стр. 24 сл.) историю открытия с 1824 г. первых арабских и греко-арабских папирусов в Египте, которые составляют современный фонд в различных коллекциях и музеях. Со времени первой научной статьи Silvestre de Sacy (1825 г.) арабская папирология насчитывает немало фундаментальных работ. Прекрасный специалист, через руки которого прошли сотни папирусов, А. Grohmann постепенно излагает методы их подготовительной обработки, очень сложные при их хрупкости, часто очень плохой сохранности, которая усугублялась иногда умышленно разобщением частей отдельных папирусов с коммерческими целями (стр. 25—26), что значительно ухудшало процесс чтения. Папирусы представляют собой чрезвычайно важные исторические документы

¹ К. Иностранцев. Протокол заседания 22 XI 1907 г., ЗВО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. XVI—XVIII. — Его же. Бронзовый котелок 559 года Гиджры. Изв. И. Арх. Ком., вып. 60, стр. 48—62 = отд. отт. СПб., 1915, стр. 1—16.

² Gaston Migeon. Arts plastiques et industriels (Manuel d'art musulman 2°), т. II, Paris, 1927, стр. 41, прим. 1.

³ Отд. отт. из *Études de Papyrologie*, t. I, Le Caire, 1932, 8°, стр. 23—95, с IX табл.

(стр. 27 сл.), самого разнообразного характера и содержания, и вскрывают состояние администрации, финансов, торговли, судопроизводства, частного быта и вопросы труда; они обнимают различные стороны жизни арабов в Египте с I в. хиджры, их отношения к местной и центральной власти в лице наместников и халифов. Здесь история находит себе драгоценные источники, частью пополняющие или подтверждающие (см. эпизод о назначении правителем Египта 'Омара ибн Михр'ана, стр. 47 сл.), частью далеко превосходящие по своей точности и подробности историко-географическую литературу арабов. Эти положения автор иллюстрирует целым рядом текстов по папирусам (гл. II); первый исторический документ относится к 22 г. х. и представляет расписку за овец для солдат арабского полководца 'Абдаллаха ибн Дж'абера, взятых в счет налога (стр. 41 сл.).

При всем разнообразии вопросов и тем, которые затрагивают папирусы, в известных частях стиль их стереотипен, употребляются определенные формулы (стр. 34) и выражения, даже сокращения; последние поддаются чтению труднее всего. Формально самой важной частью папируса был «протокол», в котором упоминались имена халифа, губернатора и другие должностные лица, а также дата эмиссии; эта часть служила гарантией подлинности папируса (стр. 34 сл., 52 сл.). Понятно, что подобные данные для ранней истории мусульманского Египта чрезвычайно ценны.

В третьей главе находится очень интересный очерк администрации Египта, составленный на основании арабских папирусов. В конце исследования помещены указатели сокращений цитированной автором литературы (стр. 91—92) и цитированных папирусов (стр. 93—95). Из девяти приложений таблиц (I—IX) часть посвящена папирусам и вопросам их обработки, часть документам на других материалах (ткань, кость, черепки, дерево).

Работа А. Грошманн'а прекрасно резюмирует современные достижения арабской папирологии, позволяет войти в сущность занимающих ее вопросов и оценить в полной мере значение арабских папирусов для науки. Для нас эта работа важна еще с одной стороны: она напоминает нам один долг. В круг деятельности русской арабистики специальное изучение арабских папирусов до сих пор не входило. Академик В. Р. Розен, однако, в 1888 г. сделал два доклада о новейших результатах исследования коллекции папирусов эрцг. Райнера (8 IV и 20 XII 1888);¹ в его бумагах оста-

¹ ЗВО, т. III, 1888, вып. I, V; *ibid.*, 1889, вып. IV, X; Список трудов барона Виктора Романовича Розена в Приложениях к XVIII тому ЗВО, стр. 46, Памяти барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909.

лась неоконченная статья о папирусах той же венской коллекции.¹ Н. А. Медников прочел часть арабского заговора и рецепта на оборотной стороне папируса с коптской дарственной записью VIII в. н. э., изданной Б. А. Тураевым.² При издании греческих папирусов коллекции Н. П. Лихачева, П. В. Ернштедт опубликовал части арабского протокола на некоторых из них и фрагмент арабского письма с греческой пометкой получателя.³

Этим, насколько нам известно, исчерпывается все, напечатанное у нас об арабских папирусах. Между тем, в нашем Союзе имеются неизданные папирусы из собрания Н. П. Лихачева в Институте документа, книги, письма в Ленинграде и из собрания В. С. Голенищева в Москве. Потребность в их издании давно назрела; одному из наших арабистов предстоит трудная, ответственная, но и заманчивая задача овладеть этим новым материалом, для чего необходимо вооружиться основательным запасом знаний, как то: языка, истории, источников, арабской палеографии... и терпением. К работе необходимо приступить теперь же, иначе настанет время, когда за нее, к нашему стыду, примутся иностранные ученые.

Арабские папирусы, как видно из предыдущего, могут служить для изучения ранних скорописных и деловых почерков Египта. В круг изучения следующей работы входят образцы каллиграфии и книжных украшений. Книжка молодого исследователя Ahmed Mousa «Zur Geschichte der islâmischen Buchmalerei in Aegypten»⁴ была представлена как диссертация на степень доктора, которую он получил в Берлинском университете. Автор с ранних лет знакомился с историей искусств и архитектуры, изучал технологию и химию красок. В настоящей работе (стр. 1) он поставил себе целью «дать ясную картину состояния книжной и миниатюрной живописи в Египте». Свое исследование он строит только на неопубликованных рукописях Bibliothèque Égyptienne в Каире, которая обладает громадным собранием, не принимая специально в расчет их красоту, а исторические взаимоотношения. Он желает познакомить интересующихся с неизвестными художниками, для чего составляет список мастеров каллиграфии и ими основанных школ, а также с вопросами техники из этой области. Затем он изла-

¹ И. Ю. Крачковский. Опись бумаг барона В. Р. Розева, поступивших в Азиатский музей Российской Академии Наук. Изв. Росс. Акад. Наук, Петроград, 1918, 1330—1331, № 20.

² Б. А. Тураев. Описание памятников в русских музеях и собраниях. VII. Музей древностей при имп. Казанском университете, ЗВО, т. XV, 1902—1903, СПб., 1904, 099, табл. IV, 1—2.

³ Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli. IV. Die Kome-Aphrodito-Papyri der Sammlung Lichačov bearbeitet von Peter Jernstedt, Tiflis, 1927, № 10, стр. 39, 43; № 12, стр. 48; № 14, стр. 51—52, 92—93.

⁴ Cairo, 1931, 122 стр. 8° + XLV табл.

гает (стр. 2) принятую им систему измерения листов и рисунков, перечисляет свои источники для определения датировки, систему транскрипции имен, приспособленную к египетскому произношению (стр. 2—3).

Введение (стр. 7—12) содержит беглый очерк возникновения и распространения мусульманской культуры; затем собственно изложение начинается (стр. 13—20) обзором культурного развития Египта по периодам, с попыткой выделить важнейшие исторические события. Им подчеркнуты два момента (стр. 15), повлиявшие на развитие мусульманско-египетского искусства: изменения политических отношений и предписания ислама; из последних он особенно оттеняет влияние ислама на изобразительное искусство, сильнее выраженное в I—II вв. х. и базировавшееся на нескольких приписываемых Мухаммеду преданиях (стр. 15—16). Вопрос потерял прежнюю остроту в последующие века. С возникновением переводной литературы на арабском языке появляются миниатюры пояснительного характера (стр. 16—17); в связь с ними автор ставит орнаментирование книг культового назначения. Из смежных цивилизаций, вполне основательно, наибольшую долю влияния он признает за сиро-византийской и сасанидской, но «несмотря на соприкосновение с чужими цивилизациями, арабское искусство не утратило ничего из своего первоначального характера».¹ Подтверждением этого взгляда, достаточно спорного с нашей точки зрения, он считает термин «арабеска (Arabeske) . . . который во всех языках имеет особое (ausgerägte) значение».²

Всю историю арабского искусства в Египте А. Муса делит на пять периодов. В первом, включая начало династии 'аббасидов, по его мнению, строительное искусство и тесно с ним связанная книжная живопись (кораны для мечетей, стр. 17—19) отставали; второй, в правление 'аббасидов — период «художественной деятельности и образования»; третий, при тулунидах — дальнейший художественный подъем, при ясном преобладании месопотамского влияния (стр. 19); четвертый (287—360 г. х) — мало плодотворный, из-за военных предприятий в Сирии и Палестине; пятый (360—960 г. х) — постепенное развитие всех искусств. На страницах 19—20 автор бегло характеризует особенности тулунидской, фатимидской и мамлюкской книжной орнаментики и письма.

¹ Стр. 17: «... hat die arabische Kunst nichts von ihrem ursprünglichen Charakter eingebüsst».

² О сложности термина «арабеска», видоизменении арабесок в зависимости от времени и места вообще, характере ранне-египетской арабески в частности см., например, E. Herzfeld, Arabeske, E. I., т. I, 382—383.

В следующей небольшой главе описаны рисовальные и письменные принадлежности, в виде маленького словаря с комментариями (стр. 21—24), что несомненно полезно. В главе об арабских письменах (стр. 25—30) перечислены различные подразделения почерков, в сущности апокрифичные и ничем автором не доказанные, с названиями по большей части географического происхождения. Специальные химико-технологические познания автора нашли здесь применение при описании рецептов и красок, заимствованных из арабских источников. Может быть правильнее было бы их присоединить к главе о письменных и рисовальных принадлежностях.

Главный интерес книжки сосредоточен в описании и критике иллюстраций (стр. 31—81), списке каллиграфов IX—XV в. н. э. (стр. 82—99) и биографическом комментарии к нему (стр. 100—110). Иллюстрации исполнены на меловой бумаге, многие вполне хорошо, некоторые слабее по качеству репродукции. Они имеют двойную нумерацию: сверху идет латинская, которая соответствует фактическому количеству изображений (I—XLV), внизу арабскими цифрами в скобках, от 1 до 68, но с пропуском некоторых номеров, которые исключены по незначительности или совпадению с представленными; все изображенные в объяснениях к рисункам отмечены звездочкой (стр. 31,1). Первые одиннадцать номеров списка и соответствующие им таблицы I—VI посвящены описанию и изображению письменных приборов, деревянных и металлических, из Арабского музея в Каире. При выборе собственно книжных иллюстраций и украшений внимание было направлено преимущественно на датированные рукописи разнообразного содержания, чтобы проследить по ним последовательность развития их в Египте. Тут представлены научные сочинения и трактаты, иллюстрированные техническими чертежами (табл. VII, VIII, XV, XVI), географические с картами (табл. IX—X), ветеринарный лечебник (табл. XIII), руководство по верховой езде (т. XIV), образцы раннего коранического куфи (табл. XVII—XIX) и более поздних коранов, молитвенников и унванов. Комментарии автора к рисункам довольно разнообразны; они содержат некоторые хронологические и биографические сведения о каллиграфах и художниках, анализ орнамента и определения почерков.

Работа Ahmed Mousa задумана несомненно оригинально и вводит в обращение свежий материал. Он свободно пользуется арабскими и европейскими источниками. Вместе с издателями арабских надгробий Hassan Hawary и Hussein Rached, автор принадлежит к молодому поколению арабов-искусствоведов, знакомых с европейским научным методом, европейскими языками и литературой. Тем не менее, в исследовании не вполне четко рас-

пределен материал и недостаточно обоснованы некоторые положения. Неблагоприятно отражается также полная изолированность исследования от параллельного материала, т. е. книжных украшений и каллиграфии других стран ислама; такое сопоставление необходимо тем более, что многие из перечисленных каллиграфов были неегипетского происхождения и могли быть носителями неегипетских каллиграфских традиций. Было бы полезно также учесть соотношение между оформлением рукописей и архитектурно-декоративными вкусами и течениями; слабое исключение сделано по отношению ко времени султана Ка'ит Бея (стр. 76, 78, 79).

К своим задачам и материалу в некоторых случаях автор подходит может быть слишком просто. Остановимся на одном примере — рис. 31, табл. XIX, с изображением страницы куфического корана. В объяснении к этому рисунку, стр. 47, после даты 566/1170 г., находится имя каллиграфа Bakr ibn Ahmed ibn 'Obeid Allâh. Эту страницу автор довольно подробно изучает в своей «критике рисунков» (стр. 61), но не замечает после куньи висбы каллиграфа الغزوى. Между тем, в статье В. Moritz «Arabische Schrift»¹ изображены два листа корана, написанного Абу Бекром из Газны в 566 г. х.,² т. е. дата и имя одинаковы как в издании Ahm. Mousa, так и у В. Moritz, но у последнего добавлено происхождение писца. Что в обоих случаях мы имеем дело не только с одним каллиграфом по имени,³ но и с одним и тем же экземпляром корана, можно легко убедиться сличением всех трех листов и доказать палеографическим анализом. Характерный шрифт текста сур у Ahm. Mousa одинаков с нижним листом у В. Moritz; есть и другие совпадения в орнаментации, на которых мы не будем останавливаться. Как висба, так и публикация В. Moritz'a ускользнули от Ahmed Mousa. Факт сам по себе нежелательный, но не редко случающийся. Гораздо хуже, что автор, принимая этот рисунок за бесспорно египетский, видит в нем признак первого подъема мусульманской книжной живописи в Египте и таким образом идет далее по ложному пути.

По поводу рис. 55, табл. XXXIV, стр. 54 и 72—73, некоторая поспешность вовлекла автора, как нам кажется, в заблуждение. Приписку писца об окончании переписки в рамадане 814 г. х. при султানে Насире Фарадже, очень своеобразным шрифтом, Ahmed Mousa очень критикует, обвиняет каллиграфа в неряшливости и непонимании красоты. Одним из поводов для этого служит незаполненное пространство большого листа вокруг

¹ Е. I, т. I, табл. V.

² По словам В. Moritz, *ibid.*, стр. 406, коран написан в Персии.

³ У В. Moritz листы не подписанные.

сравнительно небольшого квадрата с записью в простой рамке. Но правильна ли такая строгая оценка? Действительно ли 'Абдуррахман ибн ас-Са'и'г был лишен вкуса и не мог рисовать? Мы не можем убедиться в этом, пока не перевернем страницу с подписью. А если бы смогли, то вероятно увидели бы на обороте (recto) унван или текст, заключенный в широкую рамку с медальонами и цветочным бордюром, которые просвечивают сквозь лист на изображении. Орнамент, правда, мог быть исполнен другим художником; такие случаи известны, и тогда можно предположить, что подписной лист остался незаконченным. Эти вопросы требуют, конечно, пересмотра по оригиналу, но оба примера показывают, что к выводам Ahmed Mousa надо относиться осторожно.

Список известных каллиграфов (стр. 82—99) несомненно полезен, как и комментарий к нему (стр. 100—110); он составлен на основании некоторых арабских источников и географов, перечисленных в библиографическом указателе. Таблицы расширяют наши сведения об орнаменте и почерках; к сожалению, автор, приводя различные названия последних, не объясняет их различия между собой, чем несколько ослабляет ценность интересного материала.

Книга Ahmed Mousa может, конечно, быть использована как пособие для изучения арабской палеографии, но с оговорками и выбором. Потребность в учебных пособиях такого рода у нас есть. До сих пор при занятиях над арабскими почерками приходилось пользоваться немногими иностранными изданиями, как, например, W. Wright,¹ E. Tisserant,² B. Moritz,³ изданиями папирусов и др. Но эти публикации отчасти громоздки или слишком редки, экземпляров слишком мало, чтобы ими можно было обслужить даже небольшую группу лиц. Арабскую палеографию теперь начинают вводить в программу нашей высшей школы, а пособий для преподавания нет. Между тем мы имеем все данные для их создания: наш арабский рукописный фонд достаточно обширен, и из него можно подобрать образцы для альбома, часто датированные и подписные. Такой альбом мог бы одновременно служить как своего рода путеводитель или краткий каталог и употребляться как хрестоматия.

Выше речь шла об изданиях различных памятников арабской письменности, одни из которых возникли и хранятся в Каире, другие находятся

¹ Facsimiles of Manuscripts and Inscriptions. Paleographical Society. Oriental Series, 1875—1883.

² Specimina codicum orientalium. Bonn, 1914.

³ Arabic Paleography. A Collection of Arabic Texts, publ. of the Khedivial Library. Cairo, No 16, 1903.

там, но не египетского происхождения, третьи — египетского происхождения, но сохраняются в различных странах. Соседняя с Египтом Палестина, связанная с ним географически и исторически, естественно должна обладать родственными памятниками культуры, археологии и искусства. Может быть ярче всего сродство это сказалось в эпиграфике тех периодов, когда Палестина находилась в политической зависимости от Египта. С вопросами эпиграфики тесно соприкасается мусульманская геральдика, которая в лице Dr. L. A. Mayer (Jerusalem) нашла ревностного исследователя.

Лучший современный знаток мусульманской геральдики, Л. А. Мауер давно известен как прекрасный эпиграфист. Ему принадлежит целый ряд отдельных исследований по эпиграфике Палестины. В «*Journal of the Palestine Oriental Society*» им издана последовательно серия арабских надписей в Газзе.¹ В 1931 г. он начал издавать новую серию, под заглавием «*Satura epigraphica arabica*», которая захватывает надписи из других местностей Палестины, неизданные или изданные неудачно и неполно.² Хронологически большинство этих надписей относится к VII—VIII в. х., т. е. XIII—XV в. н. э., когда в Египте правили мамлюки и вели борьбу в Палестине и Сирии с монголами, ассасинами и крестоносцами.

Параллельно с изданием палестинских надписей этого периода, Л. А. Мауер изучал геральдические знаки, которые встречаются и в монументальных текстах, и на предметах. В 1925 г. он исследует геральдические знаки на керамике из раскопок в Баальбеке.³ В том же году появляются две его статьи: «*Das Schriftwappen der Mamlukensultane*»,⁴ где он рассматривает специально мамлюкские гербы с надписью на самом щите, и «*Le blason de l'émir Salâr*» — о гербе, давно известном из литературного источника, но точно установленном только автором по изображению в строительной надписи Салâра в Хевроне.⁵ В январе 1926 г. Л. А. Мауер устраивает в Иерусалиме специальную выставку мусульманской геральдики. Впервые делается попытка разделить такие экспонаты по географическому признаку и по материалу. Большинство выставленных экземпляров было найдено в Палестине и относилось к мамлюкскому периоду (1250—1517 г. н. э.),

¹ Arabic Inscriptions of Gaza, JPOS, vol. III, 69—78, vol. V, 64 ff., vol. IX, 219—225, vol. X, 59—63, vol. XI (?), 144—151.

² Отд. отт. из The Quarterly of the Department of the Antiquities in Palestine, vol. I, No 1, 37—43, vol. II, 127 ff., vol. III, No 1, 24—25.

³ См. Friedrich Sarre. Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Berlin und Leipzig, 1925, 7, прим. 1. Ср. рецензию В. Крачковской в ЗКВ, т. III, Ленинград, 1928, 204.

⁴ Отд. отт. из Jahrbuch der asiatischen Kunst, 1925, 183—187, с 4 рис. на табл. 104.

⁵ Отд. отт. из JPOS, vol. V, 1925, 58—60.

меньшая часть была из Сирии и Египта. Кроме предметов, на выставке были рисунки, фотографии и отдельно две полки с литературой: 1) посвященной специально мусульманской геральдике, 2) содержащей сведения о мусульманской геральдике.¹

Между тем, с 1923 г. Л. А. Мауег готовил издание большой монографии мусульманской геральдики, которая вышла из печати в январе 1933 г. Как видно из предисловия к изданию (стр. V), целью монографии «*Saracenic Heraldry*»² является составление по возможности полного, строго документированного геральдического реестра мусульманских султанов, эмиров и рыцарей, предназначенного преимущественно для музейных деятелей и коллекционеров. Поэтому в издание были включены переводы и объяснения, которые автор считает излишними для арабистов.

Чрезвычайно интересное и содержательное введение (стр. 1—43) начинается с определения понятия «сарацинский герб». Автор сознательно отказался от эпитета «арабский», который не годится для эмиров неарабского происхождения, а эпитет «мусульманский» не точен, так как в этот том вошла геральдика не всех мусульманских династий. Он остановился на эпитете «сарацинский», вызывающем идею о мусульманах Сирии, Палестины и Египта в эпоху крестовых походов, в соответствии с материалом данной книги (стр. 1). Затем идет целый ряд сравнительно небольших отделов введения, где сарацинская геральдика рассмотрена всесторонне.

Изучение начинается с источников; из них арабские (стр. 1—2, 28, 1—2) дают мало для исследователя, а европейские давали часто неправильное толкование, и самыми ценными остаются оригиналы и надписи, сопровождающие их в архитектуре, прикладном искусстве, нумизматике и рукописях. Постепенно рассмотрен институт геральдики (стр. 3—4) и его отличие от европейской геральдики, соотношение между занимаемой должностью и эмблемой (стр. 4—7), значение отдельных эмблем и их терминология (стр. 4 сл.), пожизненное сохранение принятого герба (стр. 7), «говорящие» эмблемы (*armes parlantes*, стр. 7—10), изображения животных (стр. 9—10), должностные знаки (стр. 10—26). Из последних особенно любопытны две эмблемы: письменный прибор (пенал, стр. 12—13) и геральдическая лилия.

Чрезвычайно долго целый ряд ученых держался мнения, что первая из этих эмблем изображает группу иероглифических знаков, которые читали «*Ra neb teta*», пока в 1918 г. 'Abd al-Hamid Muṣṭafā Pasha не разо-

¹ Guide to the Exhibition of Moslem Heraldry in Palestine. Jerusalem, 1926 (with a Preface by John Garstang), 80, 7 стр.

² Oxford. 40, XV + 302 стр + LXXI табл.

брал и доказал ее действительное значение. На стр. 12 изображены все известные варианты этой эмблемы. Вокруг второй эмблемы — геральдической лилии (стр. 22—24) велась упорно дискуссия, 1) по поводу истории французского национального герба (*fleur de lis*) и 2) о времени появления геральдической лилии на Востоке. Из мусульман она впервые установлена в гербе атабека Нур ад-дин Махмуда ибн Занги (549—569/1154—1178 г.). Автор, повидимому, весьма основательно указывает, что только со времени Людовика VII (1137—1180 г.) во Франции геральдическая лилия имеет три отдельных листка, схваченные в середине рукой; на Востоке же все ранние формы *fleur de lis* как декоративного, так и геральдического характера — с тремя отдельными листьями: на египетском цилиндре Рамзеса (стр. 24,1), в декорации стен Самарры (стр. 24,2) и в керамике Фустата. Наоборот, ранне-европейская форма, с соединенными листьями, на Востоке появляется только во второй половине XIV в.

Не менее существенны и прочие части введения, начинающиеся с «грамматики геральдики». Тут обсуждаются относящиеся к гербу арабские термины (ранк и др.), роль щита в мусульманском гербе (стр. 27), цвета, простые эмблемы и сложные гербы, сопоставленные в особых таблицах (стр. 8 и 30), щиты с надписями, которым посвящен большой экскурс, сложная проблема наследственности герба, женская геральдика и подделки.

Обширный геральдический реестр составляет большую часть тома (стр. 45—267). Он расположен в алфавитном порядке собственных имен носителей гербов и содержит следующие сведения: где возможно, краткую биографию данного лица, описание герба со ссылкой на номер схематической таблицы, описание предмета, откуда заимствован герб, ссылку на таблицу, если герб изображен, арабский текст с именем данного лица, английский перевод текста, библиографию, ссылки и комментарии. Критический аппарат состоит из ряда подробных указателей: списка коллекционеров (музеи и частные лица, стр. 269—270), обширной европейской библиографии (стр. 271—282) и указателя имен (стр. 283—302).

Таблицы без красок, но великолепно исполнены на меловой бумаге (I—LXXI), со многими отдельными рисунками. Вся техническая сторона издания чрезвычайно высока. Ссылки на таблицы, упомянутые в тексте, находятся просто, но найти в тексте описание по номеру рисунка на таблице довольно сложно: для этого надо сперва в списке таблиц и рисунков (стр. XI—XV) найти ссылку на указатель имен (стр. 283—302), а по нему уже искать нужные страницы реестра. Из наших коллекций в обзор вошло очень немного: одна рукопись б. Азиатского музея, ныне ИВАН (на

стр. 169, табл. XIV) и две лампы Гос. Эрмитажа из собраний Базилевского и Штиглица (стр. 203 и 262).

Капитальная монография Л. А. Мауер, с ее колоссальным эпиграфическим материалом, продумана основательно, освещает предмет авторитетно и всесторонне, вводит много неизданного, нового и вполне могла бы удовлетворить Мах ван Берchem'a, который возлагал большие надежды на систематическое изучение мусульманской геральдики.¹ Для музееведов и эпиграфистов соответствующих специальностей работа Л. А. Мауер будет ценнейшей настольной книгой.

Закачивая настоящее обозрение, мы видим, что мусульманская эпиграфика, палеография и геральдика Египта и Палестины, при посредстве высококомпетентных специалистов, обогатились ценнейшими изданиями и исследованиями, роль которых в науке будет несомненно велика и поможет ее дальнейшему успешному развитию.

¹ Notes d'archéologie arabe, III, Journal Asiatique, 10 série, t. III, 76.
ЗИВАН, III.